

INSPIRIA

НОВЫЙ ДЕКАМЕРОН

29 НОВЕЛЛ ВРЕМЕН ПАНДЕМИИ

МАРГАРЕТ ЭТВУД • КОЛМ ТОЙБИН • ЛЕЙЛА СЛИМАНИ
РЕЙЧЕЛ КУШНЕР • ЭТГАР КЕРЕТ • ДЭВИД МИТЧЕЛЛ и другие

INSPIRIA

Loft. Культурный код

Сборник

**Новый Декамерон. 29
новелл времен пандемии**

«ЭКСМО»

2020

Сборник

Новый Декамерон. 29 новелл времен пандемии / Сборник —
«Эксмо», 2020 — (Loft. Культурный код)

ISBN 978-5-04-169440-1

Даже если весь мир похож на абсурд, хорошая книга не даст вам сойти с ума. Люди рассказывают истории с самого начала времен. Рассказывают о том, что видели и о чем слышали. Рассказывают о том, что было и что могло бы быть. Рассказывают, чтобы отвлечься, скоротать время или пережить непростые времена. Иногда такие истории превращаются в хроники, летописи, памятники отдельным периодам и эпохам. Так появились «Сказки тысячи и одной ночи», «Кентерберийские рассказы» и «Декамерон» Боккаччо. «Новый Декамерон» — это тоже своеобразный памятник эпохе, которая совершенно точно войдет в историю. Редакторы The New York Times Magazine собрали 29 новелл, эссе, сказок, крохотных зарисовок и развернутых рассуждений. В них самые известные современные писатели попытались запечатлеть и осмыслить события, охватившие каждый уголок мира. В сборник вошли новеллы Маргарет Этвуд, Колма Тойбина, Лейлы Слимани, Рейчел Кушнер, Этгара Керета, Дэвида Митчелла, Моны Авад и многих других.

ISBN 978-5-04-169440-1

© Сборник, 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие Кейтлин Роупер	6
Спасительные рассказы	7
Верите ли вы в прошлые жизни?	9
Такое синее небо	13
Прогулка	19
Повести с реки Л.А.	20
История болезни	25
Команда	30
Бруссар	32
Нетерпеливая Гризельда	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сборник Новый Декамерон. 29 новелл времен пандемии

THE DECAMERON PROJECT:

29 Stories from the Pandemic

Copyright © 2020 by The New York Times Company

The cover design © Sophy Hollington

Illustrations by Sophy Hollington

© Беленькая Н., перевод на русский язык, 2022

© Казарова К., перевод на русский язык, 2022

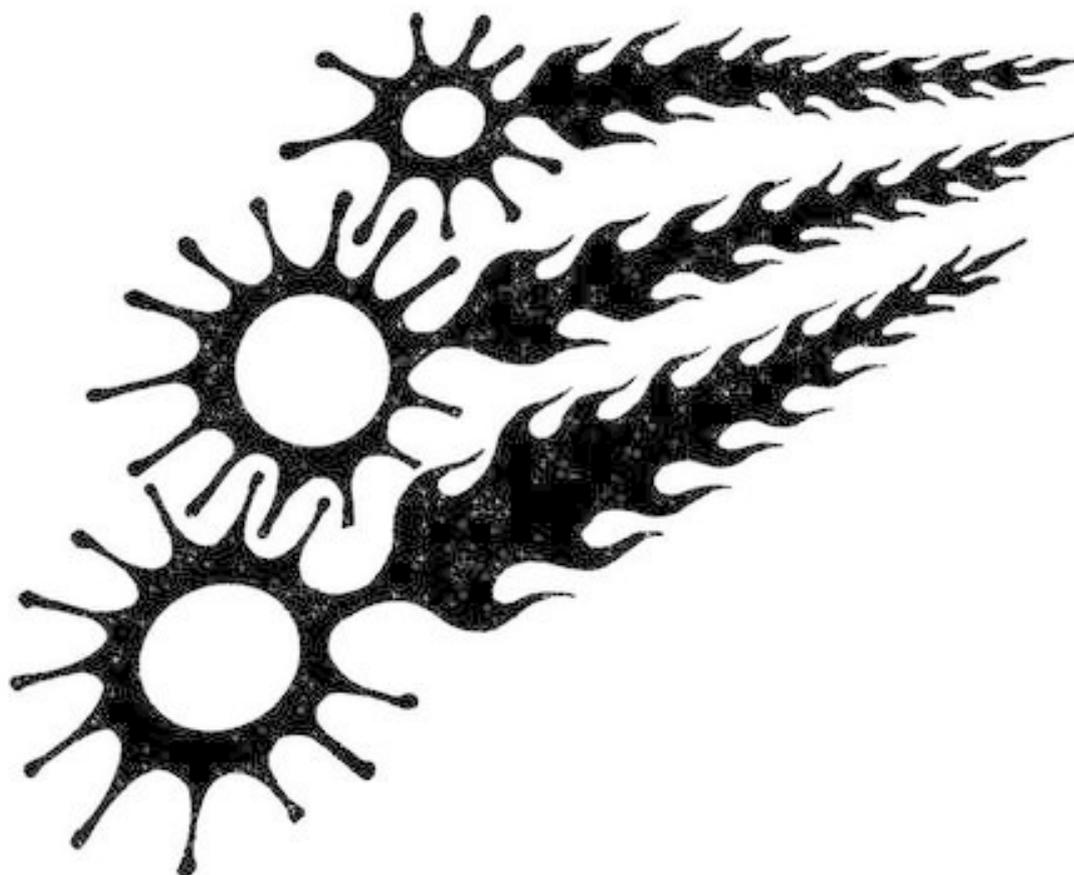
© Комкова И., перевод на русский язык, 2022

© Лукьянчук В., перевод на русский язык, 2022

© Сегаль Г., перевод на русский язык, 2022

© Шукшина Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие Кейтлин Роупер

В марте 2020 года в книжных магазинах появилась книга XIV века – «Декамерон» Джованни Боккаччо, сборник новелл, которые рассказывают друг другу флорентийцы, укрывшиеся недалеко от города в разгар эпидемии чумы. В Соединенных Штатах мы как раз ушли на самоизоляцию, учились сидеть на карантине, и многие искали советов в старинной книге. Когда коронавирус начал распространяться по миру, писательница Ривка Гэлчен обратилась в *The New York Times Magazine* с предложением написать эссе о «Декамероне» Боккаччо, чтобы помочь читателям понять нынешнюю ситуацию. Идея нам понравилась, но мы задумались: а что, если составить собственный «Декамерон» из новых, написанных во время карантина вымышленных историй?

Мы обратились к авторам, попросив их кратко изложить суть будущих рассказов. Кто-то писал роман и не располагал временем. Кто-то занимался детьми и не мог представить себе, как в таких условиях вообще можно работать. Кто-то ответил: «Боюсь, для части моего мозга, отвечающей за художественный вымысел, нынешний кризис не станет источником вдохновения». Мы поняли. Мы начали сомневаться, что наша идея жизнеспособна.

Однако позже, когда вирус принял за Нью-Йорк, когда все были напуганы и подавлены, мы услышали нечто иное, обнадеживающее: заинтересованность, вызывающие жгучее любопытство замыслы. Романисту Джону Рею захотелось написать «о молодом испанце, отдающем напрокат своих собак, чтобы помочь тем, кто намерен делать вид, будто выгуливает питомцев, таким образом обойти ограничения, налагаемые комендантским часом». Мона Авад думала начать рассказ с того, что «в сороковой день рождения женщина, желая сделать себе подарок, идет в дорогой салон, решившись на неприятную косметическую манипуляцию. В салоне ей предлагают совершенно новую, экспериментальную процедуру, суть которой заключается в стирании плохих воспоминаний с целью глубокого очищения, питания и разглаживания кожи»... Чарлз Ю сообщил нам, что у него несколько идей, «но одна мне наиболее интересна. История, рассказанная под двумя углами зрения: вирус и алгоритмы поиска в «Гугле». Историю Маргарет Этвуд вообще-то «рассказывает группе землян инопланетянин с далекой планеты, откомандированный на Землю в рамках межзвездной программы». Вот и все, весь замысел. Как мы могли сказать нет? Нам захотелось прочесть их произведения. Мы заказали даже слишком много для журнального номера. И быстро, с болью поняли: пора ставить точку.

Когда пошли рассказы, мы, хоть и переживали один из самых тяжелых периодов в жизни, увидели: писатели создали искусство. Мы не ожидали, что им удастся преобразовать нынешний кошмар в нечто столь впечатляющее. Это лишний раз напомнило, как хорошая литература может, с одной стороны, унести человека в даль от самого себя, а с другой, каким-то образом помочь ему ясно понять, где он находится.

Журнал вышел двенадцатого июля, когда в Соединенных Штатах бушевала очередная вспышка вируса. Незамедлительно последовала восторженная реакция читателей. Наши почтовые ящики наполнились письмами, где говорилось об обретенном в рассказах утешении. Что может быть лучшим стимулом для сборника, будь то в виде журнала или книги, которую вы держите в руках, чем желание принести радость и утешение в темное, нестабильное время? Надеемся, вы читаете ее в добром здравии.

Спасительные рассказы Ривка Гэлчен

Десять молодых людей решают провести карантин в пригороде Флоренции. Идет 1348 год, бушует эпидемия бубонной чумы. Сначала у больных в паху или под мышками появляются фурункулы, затем темные пятна на руках и ногах. Некоторые за завтраком еще вполне здоровы, а обеденную трапезу делят уже, как говорится, со своими предками в мире ином. Дикие свиньи идут на запах трупов и разрывают их в клочья, после чего сами корчатся в конвульсиях и умирают. Чем же занимаются молодые люди, сбежавшие от невыразимых страданий и ужаса? Едят, поют и по очереди рассказывают друг другу истории. В одной из них монахиня вместо апостольника по ошибке надевает на голову трусы своего любовника. В другой женщина с разбитым сердцем выращивает базилик в горшке, куда она поместила отрезанную голову возлюбленного. Большинство историй глуповатые, есть печальные, но ни в одной не говорится о чуме. Таков «Декамерон» Джованни Боккаччо, пользующийся известностью уже почти семьсот лет.

Боккаччо, сам флорентиец, скорее всего, начал писать «Декамерон» в 1349 году, в год смерти отца, предположительно скончавшегося от чумы. Он закончил книгу за несколько лет. Впервые ее прочитали и полюбили те, кто пережил смерть примерно половины своих сограждан. Большая часть вошедших в нее новелл не новые, это своего рода реинкарнации старых известных повествований. Боккаччо заканчивает «Декамерон» шуткой: кое-кто, дескать, может отвернуться от него, поскольку он легковесен, «слишком наполнен острыми словами и прибаутками», хотя, как уверяет автор, «сам он человек с весом». Как понять игривость в такую минуту?

Вместе с остальными в середине марта я смотрела видеоролик из чикагского аквариума Шедда с двумя гуляющими вразвалочку пингвинами-скалолазами. Пингвин Веллингтон заметил белух. К тому времени я прочла, вероятно, уже десятки статей о новоявленном коронавирусе, однако эмоционально реальной пандемию сделали для меня эти забавные изолированные существа, хотя видео вызвало улыбку и послужило облегчением от «новостей». В мае три пингвина Гумбольдта посетили жутковато пустые залы Музея изобразительного искусства Нельсона Эткинса в Канзас-Сити, задержавшись у картин Караваджо. Они сами частично обладали тем, что так потрясает нас в искусстве, – обнажением экзистенциальной реальности, парадоксальным образом скрытой информацией.

Реальность легко упустить, может быть, именно потому, что она все время у нас перед глазами. Моя шестилетняя дочь не очень много говорила о пандемии, особо не задавала вопросов, однако время от времени предлагала план: разодрать коронавирус на тысячи кусочков и закопать их в землю. Ее слишком волновала эта «история», чтобы думать о ней непосредственно. Но когда мы стали узнавать о средствах индивидуальной защиты, на ее куклах появились латы – из шоколадной фольги, проволоки и изоленты. Позже она стала укутывать их в вату. Куклы вели сражения, в которых все было продумано до мелочей и которых я не понимала. В более спокойные минуты дочь увлеченно читала книги «Драконьей саги», где юные драконы делают все во исполнение пророчества, призванного положить конец войне.

Если жестокие, подлинные и такие важные события происходят каждую секунду, зачем обращаться к выдуманной сказкам? «Искусство – это то, что делает жизнь интереснее искусства», – заметил в одном из своих трудов французский художник, представитель течения «Флюксус» Робер Филлю, имея в виду, что мы видим жизнь не с первого раза. Она напоминает художественный прием, вроде черепа на картине «Послы» Ганса Гольбейна-Младшего, заметного только, если отойти вбок, а если смотреть на полотно прямо, его можно принять

за прибитое к берегу бревно или не заметить вовсе. В итальянском языке слово *povelle* означает как рассказы, так и новости. Новеллы «Декамерона» представляют собой новости, сообщаемые в удобной для восприятия форме. (Молодые люди установили на карантине правило: никаких новостей из Флоренции!) В первой новелле смешно рассказывается о том, как поступать с человеком, собирающимся стать трупом; юмор набрасывает покров на трагедию, слишком знакомую, чтобы быть понятой.

Но со временем интонация и содержание новелл, которые рассказывают друг другу молодые герои «Декамерона», меняются. В первые дни царит наибольшая шутливость и непочтительность. Четвертый день включает десять новелл о трагической любви. Пятый – истории о возлюбленных, после напастей и неудач обретающих счастье. Боккаччо пишет, что во время Черной Смерти флорентийцы перестали горевать и плакать по умершим. Однако уже через несколько дней его рассказчики снова способны плакать над вымышленными, на первый взгляд, рассказами о несчастной любви. Вероятнее всего, истекает слезами их собственное сердце.

Парадоксальным образом рассказанные эскапистами новеллы Боккаччо в конце концов возвращают и персонажей, и читателей к тому, от чего они бежали. Действие первых рассказов разбросано во времени и пространстве, но события последних часто происходят в Тоскане или даже в самой Флоренции. Персонажи вставных новелл находятся уже в более современных, узнаваемых обстоятельствах. Вот озорники снимают штаны с продажного флорентийского судьи – все смеются. Простака по имени Каландрино все время обманывают и дурачат – смеяться ли нам? В десятый день мы слышим истории о тех, кто перед лицом столь жестокого и несправедливого мира демонстрирует почти невообразимое благородство. Из-под эмоций – ведь это всего лишь выдумка – у персонажей пробивается надежда.

Структура произведения Боккаччо со вставными новеллами сама по себе не нова, однако итальянец ее обновил. В «Тысяче и одной ночи» основной сюжет задан образом Шахерезады, рассказывающей сказки своему мужу, царю. Если царь заскучает, то убьет Шахерезаду, как уже убил ее предшественниц. Вставные новеллы в «Панчатантре» повествуют о персонажах – часто животных, но иногда и людей, – сталкивающихся с трудностями, несущих испытания войнами, вынужденных делать выбор. И все рассказы можно назвать спасительными. Хотя одним из основных их качеств является занимательность, они могут спасти жизнь. Читать художественную литературу в трудные времена – способ их понять, а также через них пройти.

Юные персонажи «Декамерона» оставили свой город не навсегда. Через две недели они решают вернуться. Не потому что закончилась чума – у них не было оснований так полагать. Они вернулись, поскольку, насмеявшись, наплакавшись, определив новые правила сосуществования, смогли наконец увидеть настоящее и подумать о будущем. Рассказ о времени, проведенном ими вдали от дома, оживил *povelle* их мира, пусть и ненадолго. *Memento mori* – помни о смерти – правильные, необходимые слова в обычные времена, когда о смерти можно и забыть. *Memento vivere* – помни о жизни – послание «Декамерона».

Верите ли вы в прошлые жизни?

Виктор Лаваль

В Нью-Йорке не так-то просто найти хорошую квартиру, да еще в хорошем доме. Нет, история не про то, как я купила дом. Разумеется, речь пойдет о людях. Я нашла хорошую квартиру, и в отличном шестиэтажном доме в Вашингтон-хайтс, на углу 180-й улицы и Форт-Вашингтон-авеню. Однокомнатную, чего мне вполне хватало. Переехала я туда в декабре 2019 года. А значит, вы, вероятно, уже поняли, к чему я клоню. Грянул вирус, и за четыре месяца половина дома опустела. Одни соседи бежали в другие свои жилища или к родителям за город; другие, несчастные старики, исчезли в больнице, находившейся в двенадцати кварталах. Я въезжала в полностью заселенный дом и вдруг очутилась в пустом.

А потом я встретила Пилар.

– Вы верите в прошлые жизни?

Мы стояли в холле, ждали лифт. Это было в самом начале локдауна. Она задала вопрос, но я ничего не сказала. Не ответить – совсем другое. Я натянута улыбнулась, глядя себе под ноги.

Я не грубая, но невероятно застенчивая. И это никак не проходит, даже в пандемию. Я черная, и многие удивляются, обнаружив, что мы тоже можем быть робкими.

– Здесь больше никого нет, – продолжила Пилар. – Стало быть, я, определенно, говорю с вами.

Она ухитрилась выразиться прямо и вместе с тем шутливо. Когда приехал лифт, я скосила глаза в сторону соседки и тогда-то и увидела ее туфли. Черно-белые оксфорды с заостренным носком; белые фрагменты были вшиты таким образом, что целое напоминало фортепианную клавиатуру. Несмотря на локдаун, Пилар потрудилась надеть элегантные туфли. Я возвращалась из магазина в старых поношенных шлепанцах.

Я открыла дверь лифта и все-таки посмотрела на нее.

– Ну наконец-то, – вздохнула Пилар, как хвалят робкую птичку, севшую на палец.

Пилар была лет на двадцать старше меня. В тот месяц, когда я сюда переехала, мне исполнилось сорок. Позвонили мама с папой и пропели из Питсбурга Happy birthday. Невзирая на новости, они не попросили меня приехать домой. Я тоже ни о чем их не попросила. Когда мы собираемся вместе, они начинают задавать вопросы о моей жизни, планах, отчего я опять становлюсь подростком-букой. Отец заказал кучу нужных мелочей и выслал мне по почте. Свою любовь он всегда выражал именно так: хотел быть уверен, что я всем обеспечена.

– Я пыталась купить туалетную бумагу, – сказала Пилар в лифте. – Но все в панике, мне ничего не досталось. Неужели они думают, чистая задница спасет их от вируса?

Пилар посмотрела на меня. Лифт доехал до четвертого этажа. Она вышла и придержала дверь.

– Вы не смеетесь над моими шутками. И даже не скажете, как вас зовут?

Теперь я улыбнулась, так как все обернулось игрой.

– Вот так задачка. Хочу еще вас увидеть. – И она указала рукой в глубь коридора. – Я живу в сорок первой.

Пилар отпустила дверь лифта, и я, доехав до шестого этажа, распаковала покупки. Тогда я еще думала, все скоро закончится. Сегодня даже смешно. Я прошла в ванную. Отец прислал мне тридцать два рулона туалетной бумаги. Я спустилась на четвертый этаж и три из них оставила под дверью Пилар.

Через месяц я привыкла заходить в «удаленный офис» – квадратики с нашими маленькими головами напоминали настоящий, где мы когда-то работали. Надо думать, я болтала с

сослуживцами не меньше прежнего. Когда раздался звонок в дверь, я подскочила, обрадовавшись возможности оторваться от компьютера. Может, Пилар. Я засунула ноги в мокасины с пряжками; они тоже разношенные, но лучше тех шлепанцев.

Нет, не Пилар.

Это оказался управдом, Андрес, пуэрториканец лет шестидесяти, с татуировкой, изображавшей леопарда, который карабкается ему на шею. Сейчас нижнюю часть его лица закрывала голубая маска.

– Вы еще здесь! – весело воскликнул он.

– Ехать некуда.

Он кивнул и зафырчал: нечто среднее между смешком и кашлем.

– Город велит проверять все квартиры. Каждый день.

Его сумка загремела, как мешок с металлическими змеями. Заметив мой взгляд, он ее открыл: серебристые баллончики с краской.

– Если мне не ответят, надо лезть в сумку.

Андрес сделал шаг в сторону. Дальше по коридору была квартира 6б, зеленую дверь которой обезобразила огромная серебряная буква «В». Такая свежая, что с нее еще капало.

– В – вирус?

Брови у Андреса поднялись и опустились.

– Вакантно, – ответил он.

– Какой милый способ оповещения.

Мы молча постояли, он в коридоре, я в квартире. Я сообразила, что, вступив в разговор, не надела маску, и, задавая следующий вопрос, прикрыла рот рукой.

– Так этого от вас требует город?

– Не везде. Бронкс, Куинс, Гарлем. И мы. Неблагополучные районы. – Вынув баллончик, Андрес потряс его. Внутри защелкал, затрещал шарик. – Я постучу завтра. Если вы не ответите, у меня есть ключи.

Я смотрела, как он уходит.

– Сколько осталось людей? – крикнула я. – В доме?

Андрес уже дошел до лестницы и начал спускаться. Если он и ответил, то я не услышала. Я вышла на площадку. На моем этаже располагалось шесть квартир. Пять из них украшала буква «В». Никого, кроме меня.

Вы, наверное, подумали, что я тут же спустилась к Пилар, но я не могла позволить себе потерять работу. Хозяин и словом не упомянул о снижении арендной платы. И я вернулась к компьютеру до конца рабочего дня.

Какое облегчение – дверь квартиры номер 41 не закрашена. Я стучала до тех пор, пока хозяйка не открыла. Пилар надела маску, как и я на сей раз, но было видно, что, опустив взгляд на мои ноги, она улыбнулась.

– Ваши туфли видали лучшие времена. – И она так весело рассмеялась, что я почти не почувствовала смущения.

Мы с Пилар стали вместе ходить в магазин, два раза в неделю. Шли на расстоянии вытянутой руки, а сталкиваясь с другими пешеходами, увеличивали дистанцию. Пилар говорила все время, неважно, где я шла – рядом или сзади. Знаю, некоторые осуждают болтливых, но ее болтовня орошала меня, словно питательный дождь.

Она приехала в Нью-Йорк из Колумбии, недолго пробыв в Ки-Уэсте, во Флориде. За сорок лет где только не жила на Манхэттене, сверху донизу. Играла на пианино, молилась на Перучина и выступала с Чучо Вальдесом. А теперь у себя дома давала уроки детям за тридцать пять долларов в час. Точнее, давала до тех пор, пока из-за вируса это не стало опасно. «Мне так их не хватает», – повторяла Пилар каждую нашу встречу, а тем временем четыре недели

превращались в шесть, шесть – в двенадцать. Она все гадала, увидит ли еще своих учеников и их родителей.

Я предложила помощь в организации дистанционных уроков и использовала рабочий аккаунт, чтобы у нее была бесплатная связь. Однако через три месяца шутиливость Пилар ушла.

– Экран дает нам иллюзию, будто мы еще вместе, – сказала она. – Но это неправда. Все, кто смог уехать, уехали. А остальные? Нас бросили. – И она вышла из лифта. – Зачем притворяться?

Пилар меня напугала. Теперь я понимаю. Но тогда я говорила себе, что у меня стало больше дел. Как будто я изменилась. На самом деле я бежала от нее. Все мы жили на грани отчаяния, и ее слова: «Нас бросили. Зачем притворяться?» – прозвучали как будто со дна колодца. Оттуда, куда я уже сама нередко проваливалась. И я стала ходить в магазин одна, задерживая дыхание всякий раз, когда лифт проезжал мимо четвертого этажа.

А Андрес продолжал работать. Я его не видела. Он каждое утро стучал в дверь, а я стучала изнутри. Но мне были заметны результаты его работы. Как-то в течение одной недели буквой «В» оказались помечены три квартиры на первом этаже.

В следующий раз, когда я шла по этажу, прибавилось еще три.

Четыре на втором этаже.

Пять на третьем.

Однажды я услышала, как Андрес стучит в дверь на четвертом. Выкрикнул имя, которое я с трудом разобрала из-за того, что он надел уже респиратор, даже не маску. Я отошла от компьютера и спустилась вниз. Нахмурившись, Андрес смотрел на дверь сорок первой квартиры. Отчаянно стучал.

– Пилар! – крикнул он в очередной раз.

При моем появлении Андрес удивленно обернулся. Глаза у него были красные. Все пальцы на правой руке стали серебристые, казалось, это навсегда. Интересно, сможет ли он когда-нибудь отмыть краску? Но как, если работа все не кончается?

– Я не захватил ключи, – сказал он. – Схожу.

– Я побуду здесь, – кивнула я.

Андрес побежал вниз по лестнице. Я стояла под дверью, даже не думая стучать. Если управдом не разбудил ее, что я могу сделать?

– Он ушел?

Я чуть не грохнулась в обморок.

– Пилар! Вы решили над ним подшутить?

– Нет, – ответила она через дверь. – Но я не его ждала. Вас.

Я присела, чтобы моя голова пришлась примерно на ту же высоту, что и ее. Через дверь было слышно тяжелое дыхание.

– Давно не виделись, – раздался наконец ее голос.

Я прижалась щекой к прохладной двери.

– Простите.

Она фыркнула.

– Даже такие, как мы, боятся таких, как мы.

Я стянула маску, как будто она мешала мне сказать нужные слова. Но они никак не давались.

– Вы верите в прошлые жизни? – спросила Пилар.

– Это был первый ваш вопрос, обращенный ко мне.

– Увидев вас возле лифта, я поняла, что мы знакомы. Узнала. Как будто встретила члена семьи.

Подъехал лифт. Вышел Андрес. Я натянула маску и выпрямилась. Он отпер дверь.

– Осторожнее, – сказала я. – Она там.

Но когда управдом распахнул дверь, коридор оказался пуст.

Андрес нашел ее в кровати. Мертвую. Он вышел с пакетом, на котором Пилар написала мое имя. В нем я увидела черно-белые оксфорды. В левом ботинке записка. «Отдадите при встрече».

Чтобы туфли пришлись впору, мне приходится брать дополнительную пару носков, но я надеваю их, куда бы ни шла.

Такое синее небо Мона Авад

Сегодня твой день рождения, и это самое главное. Побаиваясь его, ты пару дней назад разослала друзьям эсмэс: я его боюсь. Поставила испуганный эмодзи: две «х» вместо глаз и «о» – открытый рот. Вышучивая себя и свой глупый страх. Но страх был настоящий. Поэтому, несмотря ни на что, ты здесь. В местечке, которое нашла в даркнете. Открытом, несмотря ни на какой локдаун. Несколько комнат в пентхаусе в самом центре. Темная утроба процедурного кабинета, тяжелая от пара и эвкалипта. Свет мягкий, неяркий. Ты голая лежишь на подогретом столе. Женщина вминает тебе в лицо какую-то козью плаценту. Ты чувствуешь, как костяшки ее рук глубоко погружаются в щеки, отводя лимфатическую жидкость. «Много скопилось», – тихо говорит она. «Еще бы, – шепчешь ты. – Валяйте».

Женщина без возраста, в черном костюме, волосы затянуты в тугий узел.

Три глубоких вдоха, говорит она, ну вот, совсем другое дело. Я буду дышать вместе с вами. Мне подышать вместе с вами?

Натерев руки эфирным маслом, она подержала их над твоим носом и ртом и, возможно, чувствуя твой страх, твои сомнения, сказала: «Не волнуйтесь. Мы принимаем все меры предосторожности. Да, так хорошо». И вы глубоко дышали вместе.

Ты чувствовала, как поднимается и опускается грудь.

– Ну вот, – сказала она. – Уже лучше, правда?

В отдалении слышался звук льющейся воды. Тихая музыка, исполняемая на инструментах, которые ты никак не могла узнать. Будто бесконечные удары какого-то ужасного колокола. Но красиво.

Потом она говорит: «Я только отойду включить свет, чтобы видеть вашу кожу. Свет яркий, я прикрою вам глаза». И вжимает по влажной салфетке в закрытые веки. Ты думаешь о монетках на глазах покойников. Свет очень яркий, ты чувствуешь его сквозь хлопок. Плающе-красный. На лице горячо. И ее глаза. Смотрящие на тебя.

– Ну, – произносишь ты наконец, поскольку не в силах дольше выносить ее молчание, – каков вердикт?

– У вас был трудный год, не так ли?

Ты видишь себя дома, одинокую, напуганную. Сидишь на своем острове – диване – и дрожишь. Тело горит. Дышишь так, будто тонешь, поскольку из глаз льются слезы.

– А разве не у всех был трудный год? – тихо спрашиваешь ты.

Она молчит. Запах эвкалипта уже начинает угнетать.

– Боюсь, все это здесь, – отвечает она наконец.

Подушечки ее пальцев бегают по морщинам на лбу, глубоким рытвинам между бровями. По венам вокруг носа, складкам вокруг рта. Как ты выяснила, они называются носогубными. По мимическим морщинам, которые появились вовсе не от смеха. Она так нежно касается их, что у тебя из глаз вытекает по слезе. Снимает с век салфетку и подносит к лицу зеркало.

– Воспоминания и кожа всегда идут рука об руку, – продолжает она. – Хорошие воспоминания – хорошая кожа. Плохие воспоминания... – Она умолкает, так как зеркало говорит само за себя, так ведь? – А если попытаться что-нибудь с этим сделать? – спрашивает она таким голосом, словно ласкает тебя.

– Что?

– Прежде я должна спросить у вас: насколько вам дороги ваши воспоминания?

Ты смотришь в зеркало. Горести твоей жизни отпечатались у тебя на коже. Поры устали на тебя, точно рты, открытые в беззвучном крике. Только за последний год пришлось заплатить серым оттенком, который, возможно, уже не убрать.

И ты отвечаешь собственному отражению:

– Не дороги. Ничуть не дороги.

* * *

И вот тебя обдает яркий свет летнего дня. Солнце еще высоко, такое нежное, золотое. Выскочив из салона, ты идешь пружинистой походкой. Почти бежишь – а почему нет? Ведь все-таки твой день рождения, правда? Это ты не забыла. А что же забыла? – думаешь ты. Вспоминаешь женщину, водившую по твоему лицу гладкие черные диски, соединенные проводами с утыканным ручками аппаратом. Женщина крутила их, как крутят колесики, регулирующие громкость, и ты чувствовала на зубах вкус металла. Теперь забавно вспоминать, как ты вскрикнула, когда электричество прошило череп.

Магазин в вестибюле здания закрыт. Не просто закрыт: витрина заколочена, как будто кто-то разбил стекло кирпичом. Внутри белый голый женский манекен. С запястья свисает блестящая сумка-лебедь, словно он собрался на вечеринку нагишом. Манекен смотрит на тебя сверкающими глазами. Красные губы раздвинуты в легкой улыбке. Твое нутро заливают мрак. По рукам и ногам растекается страх. Но потом в разбитом зеркале ты видишь свое отражение. Сияющее. Подтянутое. Вытравленное. Сильнее всего стучит в голове слово «вытравленное». Странно. Разве «вытравить» не значит «уничтожить»? Твое лицо вовсе не кажется уничтоженным. Да, на тебе траурный черный мешок, ну и что? В лицо хватает цвета, жизни, красок – всего, что тебе необходимо. Прибавить еще цвета – и будет уже почти перебор. Пощечина остальным.

В такси по дороге домой ты улыбаешься себе в окно, в зеркало заднего вида, водителю, хотя тот не улыбается в ответ.

– Много клиентов сегодня? – спрашиваешь ты.

– Нет, – отвечает водитель, как будто ты спятила.

Он, кажется, смотрит на тебя с ненавистью? Его рот и нос прикрывает шарф, поэтому трудно сказать. Может, болен? Интересно чем. Ты желаешь бедняге только хорошего. Пытаешься выразить это лицом. Но он лишь холодно смотрит на тебя через зеркало, пока ты не отворачиваешься к окну. Город поразительно пустой и грязный. На коленях жужжит телефон. Кто-то под именем Повелитель Тьмы прислал тебе сообщение.

«Хорошо, – говорится там, – увидимся».

«Все-таки твой д.р.».

«В парке в шесть. Скамейка у лебедей».

Ты листаешь, чтобы посмотреть более ранние сообщения. «Мне необходимо тебя увидеть» – судя по всему, ты отправила Повелителю Тьмы такое сообщение два часа назад. «Пожалуйста». Ты умоляла три раза. Интересно.

Ладно, может, он действительно так ужасен, что тебе захотелось его увидеть? «Необходимо увидеть» – ни больше ни меньше. А он, раз в курсе про твой день рождения, неплохо тебя знает, значит...

Почему бы не встретиться в баре? – посылаешь ты сообщение.

В баре?! – отвечает он.

Ах, ну да, конечно. Буду ждать тебя в парке.

Свидание с Повелителем Тьмы. Это пугает, но и возбуждает, не так ли? Ты смотришь в стеклянную перегородку. При виде своего лица тут же успокаиваешься. Представляешь, как солнце выглянуло из-за груды серых облаков. И ты стоишь в прекрасном свете разума: он прекрасен, он слепит.

Возле парка ты пытаешься всучить шоферу наличные, но он с силой мотает головой. Он не хочет твои чертовы наличные. Пожалуйста, оплатите картой. Ты смотришь, как он с визгом уезжает по пустой улице, и замечаешь, что тротуары тоже пусты. Трава в парке кажется тебе какой-то всклокоченной, менее ухоженной с тех пор, как ты была тут последний раз. Единственная пара быстро идет по тропинке вдоль пруда, низко опустив головы.

Ты замечаешь мужчину в черной толстовке, он в одиночестве сидит на парковой скамейке возле лебедей. Должно быть, Повелитель Тьмы. Тебе, конечно, страшно. Ты возбуждена до крайности. Приключение! Именно сейчас ты готова к нему. Быстро шагая по посыпанной гравием дорожке, ты нагоняешь пару и испытываешь облегчение, видя их так близко – люди! Но когда ты, улыбаясь, приближаешься и хочешь сказать: «Привет! Какой славный день! По крайней мере, в нашем распоряжении остался парк, ха-ха!» – они сходят с дорожки на всклокоченную траву; они даже обходят плачущую иву, лишь бы не столкнуться с тобой. И, удаляясь, смотрят на тебя с ненавистью. Ты только собралась воскликнуть: «Какого черта!» – как вдруг слышишь свое имя.

Оборачиваешься. Бен, твой бывший муж. Сидит на самом краешке скамейки и смотрит на тебя печальными глазами. В руке у него фляжка. Выглядит он ужасно. Рыхлый и тощий одновременно.

– Бен? – спрашиваешь ты. – Ты, что ли?

Ну конечно, он. Ты просто не можешь поверить, что Повелитель Тьмы оказался Беном. Возможно, невинная шутка, которая развлекла тебя как-то вечером. Напилась и придумала людям из записной книжки глупые прозвища. Правда, забавно. Когда ты видела его в последний раз? Ты рыщешь в воспоминаниях, но там ничего нет. Каменная стена.

– Джулия, – говорит Бен. – Рад тебя видеть.

Однако вид у него такой, как будто он совсем не рад. Смотрит на тебя, нахмурившись. Это странно, потому что выглядишь ты восхитительно. Нельзя выбрать лучший день, чтобы встретиться со своим бывшим, правда.

– Я тоже рада тебя видеть.

Он не улыбается.

– Я выбрал эту скамейку, так как она самая длинная. Можно сидеть на разных концах. – Бен делает жест рукой вдоль скамейки. Ты видишь: на другом конце он поставил маленькую белую коробочку и бутылку вина с винтовой крышкой. – Тебе на день рождения. С днем рождения.

– Спасибо.

Ты тут же вспоминаешь, каким странным всегда был Бен. И остался, судя по всему.

– Не переживай. Я ее протер. Скамейку тоже. – Он осторожно улыбается.

Ты замечаешь маску, болтающуюся у него на шее. Сшита из ткани с цветочным узором. Такое ощущение, что он смастерил ее сам на швейной машинке из куска ткани, выдранный из скатерти. Возможно, твоей старой скатерти.

От вида маски что-то вспыхивает – холод, но потом он уходит. Значит, его мизофобия обострилась. Люди с возрастом делаются все более странными. Грустно, да. И в тебе просыпается нежность к Бену.

Ты подсаживаешься к нему на скамейку. Отхлебываешь вино и открываешь белую коробочку. Там шоколадное пирожное, которое, как он уверяет, никто не трогал руками. Здорово, киваешь ты и улыбаешься, ожидая, что твой роскошный вид его подкосит. Но Бен продолжает осматриваться, как будто чем-то напуган.

– Знаешь, я правда ненадолго, – говорит он.

– Прекрасно.

И ты понимаешь, это действительно прекрасно. Просто прекрасно. Понимание дает некоторые силы. Ты откусываешь пирожное. Бен явно расслабляется. Настолько, что тебе кажется, будто ты согласилась на что-то жуткое. Ты улыбаешься ему.

– Что все это значит? – Он смотрит на тебя до ужаса серьезно. – Ты позвала меня, помнишь?

«Мне необходимо тебя увидеть. Пожалуйста».

– О да! Ну, я подумала, было бы славно наверстать упущенное.

Разумеется. Очень на тебя похоже.

Бен смотрит на тебя, как будто ты совсем рехнулась, и тяжело вздыхает.

– Послушай, Джулия, ты знаешь, я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, Бен.

Как хорошо ответить тем же. Похоже на правду.

– Но должны быть границы, – быстро добавляет он и многозначительно смотрит на тебя с другого конца скамейки.

– Несомненно, – соглашаешься ты. – Границы – это здорово.

О чем, черт подери, он говорит?

– Я не свободен, ты знаешь.

Теперь ты замечаешь: ему нужно постричься. Волосы у него всклокоченные, длинные, как трава в парке.

– Конечно, – киваешь ты. – Поздравляю.

Он вроде сбит с толку.

– Ты больше ничего не хочешь сказать?

Внезапно тебя поражают его глаза. Разве они были не голубые? А теперь просто водянисто-серые, белки испещрены красными сосудиками.

– А что ты хочешь, чтобы я сказала?

– Послушай, Джулия, то, что случилось ночью, было похабно, да? Я тоже повел себя похабно, признаю. Но когда ты вот так звонишь мне в рыданиях, что прикажешь делать? Я хочу сказать, какой ты предоставила мне выбор?

Ты прочесываешь воспоминания про «ночью». Нигде не отыскать вообще никакой ночи. Ты пытаешься представить, как звонила Бену. Набираешь номер, а из глаз текут слезы. Кругом только синее небо, какой чудесный цвет.

– Я просто хотел занести продукты, – продолжает он. – Я сказал тебе, что просто пришел занести продукты. Я бы сделал это для всех друзей, которые заболели.

Он говорит так, будто дает пощечину. Заболела? На фоне того, как ты сейчас себя чувствуешь, слово кажется тебе вопиюще неправильным. Вопреки Бену. Ты только посмотри, как он старается, чтобы на тебя подействовало. Да это он болен. Он выглядит на тысячу лет.

– Я собирался оставить их под дверью и уйти, – грустно произносит Бен. – А потом этот звук...

Он закрывает глаза. У него такой страдальческий вид, что просто смешно.

– Какой звук?

Ты вспоминаешь ужасный, красивый колокол в процедурном кабинете. Голова до сих пор заполнена его бесконечным звоном.

– Ты. Рыдала. Хлюпала. Дышала через дверь. Совсем одна. Просила, умоляла, чтобы я зашел.

Ты смотришь, как он качает головой.

– Все еще у меня перед глазами, если честно. – Бен поднимает на тебя взгляд.

Судя по всему, он ждет, что ты будешь раздавлена. Стыдом за столь явное отчаяние ночью. Ночью, когда твое горе издавало звуки, которые он никогда не забудет и перед которыми, видно, не смог устоять. И тут до тебя доходит: вы с Беном, похоже, трахнулись. Ну конечно, ты трахнула Повелителя Тьмы. Может, именно поэтому он Повелитель Тьмы.

– Мы повели себя безрассудно! – кричит Бен. – Я повел себя безрассудно.

Его голос как кирпич. Старается раздробить тебя, будто ты хрустальная ваза. Может, когда-то и была. Тебе это представляется очень далеким печальным обстоятельством. Но сейчас тебя не вывести из равновесия. Хотя внутрь и заползает холод, у тебя красные губы манекена и ты чувствуешь, как они раздвигаются в такую же, как у него, легкую улыбку. Ты смотришь на Бена сияющими глазами. Тот переводит взгляд на лебедей.

– Может, просто аллергия на цветение, дай-то бог, – говорит он. – Она всегда наваливалась на тебя в это время года, и ты всегда забывала о ней, думала, что-то серьезное. Ты всегда думаешь, будто умираешь, Джулия. И раньше. До всего.

И он обводит рукой мир. Лебедей, небо, плакучие деревья, неухоженный парк, группу гуляющих людей, все в масках, теперь ты замечаешь: маски самодельные, как у Бена, или шарфы, как у шофера. Они останавливаются и, развернувшись, направляются к вам. Глядя на твое открытое, сияющее лицо. Поскольку, не важно что, ты все забыла. Все вытравлено. Убрано женщиной в черном костюме.

Тебе вдруг хочется взять руку Бена и прижать ее к своему лицу. Теперь ты вспомнила: когда он держал твою руку, его ладонь была где-то мозолистой, а где-то мягкой. Всегда теплой и сухой. Через длинную скамейку ты протягиваешь руку. Лицо Бена мрачнеет. Прежде чем сказать, что ему надо идти, он смотрит на твою руку, как будто это змея, а когда встает, ты машешь ему на прощание, потом в знак приветствия смотрящим на тебя людям, поскольку отчего же не помахать, раз ты уже машешь. Они в ужасе не сводят с тебя глаз. Как грустно. Чего же бояться в такой день? Под таким синим небом? В такой прекрасный день. Твой день рождения.

Прогулка Камила Шамси

Азра открыла ворота и вышла на улицу.

Ты уверена? – спросила ее мать из сада, где нагуливала круги: один круг в сорок пять секунд.

Все так делают, даже женщины в одиночку, – ответила Азра, но ворота оставила открытыми. Она стояла на улице, сжимая сумочку, где лежал только мобильный телефон, вселявший в нее определенную уверенность и одновременно такое чувство, будто она стала мишенью. Пять минут! – крикнула Зохра, направляясь к Азре своей подпрыгивающей походкой. Ее голос, несомненно, слышно чуть не на всю улицу. Мне пять минут до тебя дойти. Даже меньше.

Это казалось невероятным, ведь от одного дома до другого почти столько же нужно ехать на машине, но Зохра уверяла, что все именно так: пробки, одностороннее движение... Азра закрыла ворота и услышала, как мать, оторвавшись от своих кругов и пройдя по дорожке, задвинула изнутри засов. Помой руки, сказала Азра в узкую щель между воротами и стеной. Да-да, хорошо, мисс Параноик, ответила та.

И они пустились в путь, Зохра на шаг впереди и в нескольких футах сбоку. Тут не было тротуаров, и обе шли по проезжей части, но по здешним улицам машины не особо ездили даже в обычные времена. Через несколько домов женщина на балконе подняла руку в знак приветствия. Она жила здесь с самой постройки дома, двадцать пять лет, незадолго до этого Азра вернулась домой после университета. Азра подняла руку в ответ. Первый контакт с человеком.

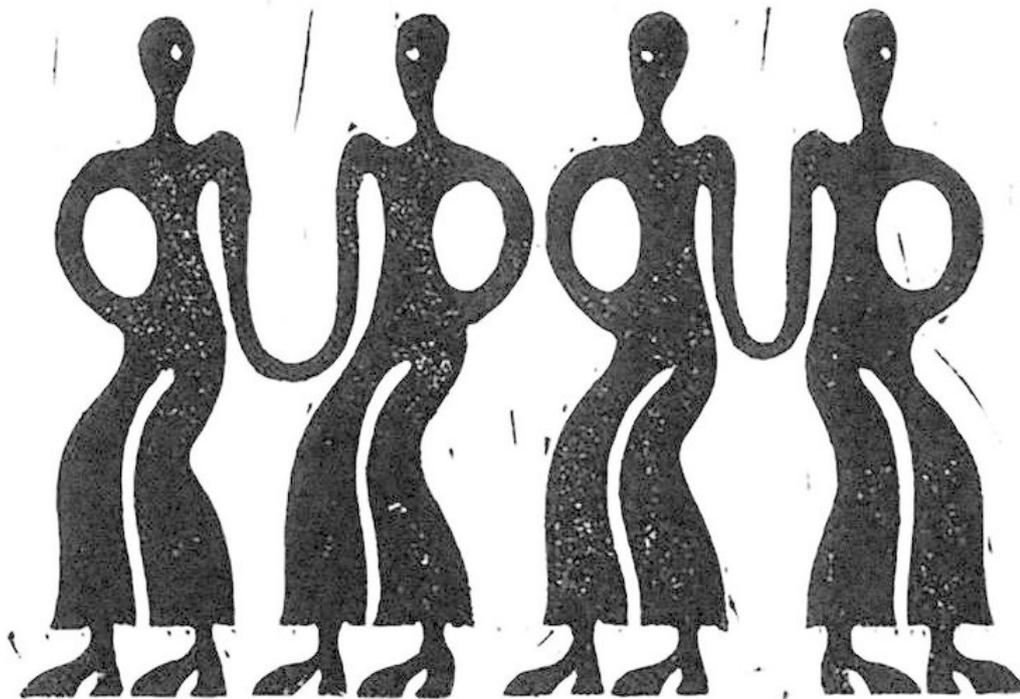
Начало апреля, а в Карачи зима уже стала воспоминанием. Ее шальвар-камиз взмок и лип к коже, Азра поправила его. Зохра оделась, как обычно для регулярных прогулок по парку: леггинсы и футболка. Последний раз они гуляли в парке три недели назад, хотя Зохра ездила туда каждый день кормить местных кошек; сторож, разделявший ее любовь к животным, отпирал ей ворота.

У них была лишь одна тема для разговоров, но целое множество подтем. Девушки шли по прямой, жутковато тихой главной улице, затейливо петляя от будничных вопросов до апокалиптических материй, пока запах моря не заставил их замолчать. Какое-то время оно сверкало впереди, а потом подруги уже стояли на берегу: песок расстилался девственный, рыжий, как верблюды, а за ним голубиными оттенками серела вода. Продавцы еды, повозки для прогулок по дюнам, торговцы воздушными змеями, парочки на волнорезах, семьи в домиках на колесах, ищущие единственное место, где урбанистический рык Карачи превращается в улыбку: ничего этого не осталось.

К ним подъехали двое конных полицейских в масках и велели уходить. Они пошли домой другим путем, по узким, обрамленным деревьями улочкам, останавливаясь для обсуждения архитектурных особенностей домов, на которые, кажется, никогда не обращали внимания, хотя и прожили почти всю жизнь на этих нескольких квадратных милях мегаполиса, и совершенно случайно очутились на улице, запруженной гуляющими, кое-кого они знали. Все махали друг другу, радостно приветствовали соседей, театрально сохраняя дистанцию, даже когда никакой дистанции и в помине не было. Дети носились на велосипедах без сопровождения взрослых. Все напоминало уличную вечеринку, которые нередко устраивали в квартале. Азра громко поздоровалась со старой школьной подругой, не думая о том, что возгласы могут привлечь к ней внимание. Расстегнутая сумка свободно болталась на боку. В эту минуту мир казался прекрасным, как никогда, – щедрым, надежным.

Вот кончится все, и иногда можно будет гулять тут, а не выписывать бесконечные круги по парку, сказала Зохра. Можно, ответила Азра.

Повести с реки Л.А. Колм Тойбин

Во время локдауна я вел дневник. Я начал с того, что записал дату начала моей собственной личной изоляции – 11 марта 2020 года – и место: Хайленд-парк. В первый же день я перенес туда надпись, которую в то утро увидел на фургоне для кемпинга: «Улыбнитесь. Вас снимают». Я не мог думать ни о чем другом после этой первой записи. После этого ничего особенно и не происходило.

Я бы и рад сказать, что каждое утро вставал и писал по главе, но вместо этого я валялся в постели. Позже, в течение дня, я был занят тем, что сокрушался по поводу музыкальных пристрастий моего партнера, ставших еще более невыносимыми, когда Г. купил новые колонки, которые очень отчетливо выдавали то, что раньше раздавалось приглушенно. Все люди делятся на тех, кто в позднем подростковом возрасте начал слушать Баха и Бетховена, и тех, кто нет. Г. относился ко второй категории. Вместо этого у него была огромная коллекция виниловых пластинок, музыка на которых была отнюдь не классическая и в большинстве своем мне не нравилась.

И мы с Г. никогда не читали одних и тех же книг. Его родной язык был французским, а мышление – абстрактным.

Поэтому, пока я читал Джейн и Эмили, он в соседней комнате погружался в биографию Жака и Жиль Вильнёв¹.

Он читал Гарри Доджа², я читал Дэвида Лоджа³.

---

¹ Жиль и Жак Вильнёв – отец и сын, канадские автогонщики, чемпионы «Формулы-1», оба погибли во время гонок в разные годы.

² Гарри Додж – известный американский скульптор, видеохудожник и писатель.

В небольшом городке на Среднем Западе живет один писатель. Я запоем прочитал две его книги – мне понравилось, насколько эмоционально обнаженным он предстал в своей прозе. Хотя я никогда и не был с ним знаком, мне искренне хотелось, чтобы он был счастлив.

Я был очень рад, когда узнал из интернета, что у этого писателя есть партнер, и прочел некоторые его посты об их счастливой повседневной жизни. Г. знал этого писателя лично и тоже порадовался, что тот нашел человека, которого любит.

Вскоре мы начали следить за лентой этого писателя. Вот он пришел с работы, а дома его ждут цветы. Мы разглядывали фото с цветами. Сам он готовил печенье – по крайней мере, судя по постам – и каждый вечер они вместе смотрели фильмы, которые производили на обоих самое сильное впечатление.

У каждого из нас есть призрачные люди, места, события. Иногда они занимают собой больше пространства, чем бесцветность того, что происходит в реальности. От этой бесцветности я вздрагиваю, а тени пробуждают мое любопытство. Мне нравилось размышлять о призрачном писателе и его партнере. Я пытался представить эдакую повесть о тихом домашнем счастье, общем пространстве, музыке, фильмах, пытался представить посты в интернете о нашей любви.

Но сколько бы я ни мечтал, по вечерам мы никак не могли выбрать, что будем смотреть. Когда мы решили, что в первую неделю будем смотреть фильмы, действие которых разворачивается в Лос-Анджелесе, в список вошли «Малхолланд Драйв» и «Подставное тело» – первый оказался для меня слишком затянутым, а второй – чересчур риторически зловещим.

Г. же не только обожал оба фильма, но, поскольку разбирался в кино, жаждал обсудить, как сцены из одного фильма могут просачиваться в другой, сколько в них спрятано скрытых отсылок и намеков. Для меня кино всегда было лишь способом развлечься. Последний час перед отходом ко сну превратился в напряженное время, когда Г. ходил за мной по всему дому, вещая, о чем же все эти фильмы на самом деле.

В такие моменты я любил его больше всего: когда он был так искренне впечатлен фильмом, задумками и сценами, воплощенными на экране, так страстно желал поддержать разговор на серьезном уровне. Но в плохие вечера я был не в состоянии ничего с собой поделать. Когда он начинал дословно – хоть и уместно – цитировать Годара, Годо и Ги Дебора, я мог лишь сказать: «Да этот фильм просто чушь собачья! Это оскорбление для моего ума!»

Я вспоминал имена великих однополых пар в истории – Бенджамин Бриттен и Питер Пирс, Гертруда Стайн и Элис Токлас, Кристофер Ишервуд и Дон Бакарди. Почему они постоянно то готовили вместе, то рисовали друг друга, то писали друг для друга тексты песен?

Почему только мы были такими, как мы? Локдаун мог бы стать для нас прекрасной возможностью попробовать для разнообразия вести себя как взрослые и наконец начать с упоением читать любимые книги друг друга. Вместо этого каждый читал еще больше того, что нравится только ему.

Во всем, что касалось искусства, он был Джек Спрэт, который не ел жир, а я – его женой, которая не могла есть мясо⁴. Меня больше всего забавляет, когда кто-то насмехается над тем, что я считаю важным, или когда то, что мне кажется смехотворным, другие воспринимают очень серьезно.

В начале локдауна я думал, что река Л.А. со всеми ее притоками просто какая-то пародия на реку. Правда откроется мне позже. И когда все это социальное дистанцирование уже пошло

---

³ Дэвид Лодж – британский писатель и литературный критик, член Королевского литературного общества.

⁴ Персонажи английского детского стишка.

на спад, я надеялся, что больше никогда не услышу ни одного слова из горячо любимой Г. песни Little Raver, которую исполнял Superpitcher⁵ и которую Г. так громко крутил.

Я не умею водить и не умею готовить. Я не умею танцевать. Я не умею сканировать бумаги и отправлять фотографии по электронной почте. Я ни разу в жизни добровольно не пылесосил и сознательно не заправлял кровать.

Сложно объяснить это все человеку, в чьем доме ты живешь. Я намекал, что все это родом из моего покалеченного детства, а когда этот довод не срабатывал, я говорил – не имея тому никаких доказательств – что бардачность – отличительная черта мыслителей, людей, стремящихся изменить мир. Маркс был неряхой, Генри Джеймс – грязнулей, нет никаких достоверных сведений, подтверждающих, что Джеймс Джойс когда-нибудь убирал за собой, Роза Люксембург была ужасно нечистоплотной, о Троцком я вообще молчу.

Я старался быть хорошим. К примеру, я каждый день разгружал посудомоечную машину. И несколько раз в день готовил Г. кофе.

Однако как-то раз, когда Г. сказал, что надо бы пропылесосить дом, я ответил, что он может спокойно подождать, пока я уйду куда-нибудь на чтения или вести занятия. «Почитай газеты, – сказал Г. – Взять и уйти из дома просто так уже не получится».

Сначала это прозвучало как обвинение, а когда Г. так по-галльски на меня глянул – зазвучало как угроза. Вскоре по дому с грохотом разносился шум пылесоса.

Я обожал дни, когда у нас не было никаких дел, со множеством таких же дней впереди: мы были точно пожилая чета зрелых, умудренных опытом людей, которые могли заканчивать друг за друга фразы. Единственная проблема состояла в том, что мы практически ни о чем не могли договориться.

Мы были счастливы во время локдауна, счастливы так, как давно не были. Но мне так хотелось, чтобы мы были счастливы тем же простым, умиротворенным счастьем, каким довольствовались писатель и его партнер и другие однополые пары.

Я нашел себе в саду место для чтения. Я частенько проводил время на улице, пока в доме грохотала музыка. Можно сказать, что она звучала по-домашнему. А еще громко.

Как-то раз я зашел в дом и увидел, как Г. снимает иглу с пластинки. Он сказал, что не хочет раздражать меня своей музыкой. Я так расстроился, что попытался притвориться, будто на самом деле музыка меня нисколько не раздражает. «Включи-ка обратно», – попросил я.

В первые пару секунд мелодия показалась мне классной. Внутри меня на минутку проснулся подросток. Это были Kraftwerk⁶. Я остановился и вслушался. Одобрительно улыбнулся, глядя на Г. Мне почти понравилось, а затем я совершил ошибку, попытавшись станцевать в такт.

Все мои познания в танцах ограничивались фильмом «Лихорадка субботнего вечера», который я был вынужден посмотреть в 1978 году, когда на меня повесили группу студентов из Испании, приехавших в Дублин. Фильм мне не понравился, а когда один из моих коллег, специалист по криптосемiotике, медленно, как ребенку, объяснил мне его внутреннее устройство, я возненавидел его еще сильнее.

Но все, что я знал о танцах, я знал из этого фильма. Я действительно годами зависал на дискотеках, но в них меня куда больше привлекали подсобки, украдкой брошенные взгляды и реки выпивки, нежели любые, даже самые прекрасные танцы.

---

⁵ Настоящее имя *Аксель Шауфлер* – немецкий исполнитель электронной танцевальной музыки.

⁶ *Kraftwerk* (Крафтверк, с нем. – «электростанция») – немецкая музыкальная группа, основанная в 1968 году, исполняющая музыку в стиле техно, электро и синтипоп.

И тем не менее, пока Г. наблюдал за мной, я попытался. Я двигал ногами в такт музыке и делал волны руками. Г. старался не морщиться.

Тихонько я – сама вина – скрылся с глаз. Я чувствовал себя как мистер Джонс из этой песни: *Something is happening here but you don't know what it is, do you, Mr. Jones?*⁷

Я осознал, что все это время не я насмеялся над Kraftwerk, а они насмеялись надо мной. «Ты недостаточно крут, чтобы нас слушать», – шептали Kraftwerk. В саду, в гамаке, свисавшем с гранатового дерева, я углубился в Генри Джеймса.

Мы заказали велосипеды через интернет. Я представлял, как мы колесим по пригороду, проезжая мимо перепуганных бунгало, в которых люди, попрятавшись, в надежде на спасение переключают каналы и с набожной истовостью намывают руки.

Я представлял, что из окон они увидят, как мы катимся мимо, точно на картинке с обложки какой-то давно забытой пластинки.

Велосипеды приехали на пару дней раньше, чем мы ждали. Единственная проблема была в том, что их нужно было собрать. Как только Г. приступил к изучению инструкции, я попытался улизнуть.

Когда он, приступив к этой грандиозной задаче, ясно дал мне понять, что я буду нужен ему на подхвате, я твердо заявил, что мне нужно отправить несколько срочных писем. Но меня это не спасло. Он потребовал, чтобы я остался и смотрел, как он лежит на земле, потея и сквернословя, и спрашивает господ бога, почему болты и гайки производители прислали не те, а винтов положили слишком мало.

Я представил себе, как писатель из интернета, тот, который был счастлив, разделяет эту работу со своим партнером, как они дружно отыскивают нужные винтики и в конце концов понимают – как понял я, но не Г., – что тонкие металлические прутья, которые, по словам Г., положили по ошибке, на самом деле нужны, чтобы добавить устойчивости передним колесам.

Я подумал о Бенджамине Бриттене, Гертруде Стайн, Кристофере Ишервуде и их половинках. Они-то наверняка знали, как создать впечатление увлеченности процессом.

И поскольку Г. был крайне разгневан – не только на велосипеды и завод, который их изготовил, но и на меня, который все это затеял, – я решил, что будет лучше призвать на помощь ту версию себя, которую я пускал в ход в школе, когда не понимал, почему *x* равняется *y*.

Я выглядел одновременно тупым, грустным и смиренным, несколько безмятежным, но крайне заинтересованным.

Вскоре, после продолжительной борьбы и тяжелых вздохов, велосипеды начали функционировать и мы, надев шлемы и маски, с радостью, ликованием и сдержанным безрассудством полетели вниз по склону холма, как двое из рекламы роскошного мыла.

Я не сидел на велосипеде много лет. Когда я позволил этому механизму пуститься по Аделанте-авеню до прекрасно названной Изи-стрит⁸, а затем до бульвара Йорк, Мармайон и Арройо Секо Парк, с моей скрученной в тугую спираль душой что-то произошло.

Когда дорога не шла вниз, она бежала прямо. Движения не было, на тротуарах было лишь несколько ошарашенных пешеходов в масках.

Я не знал, что приток реки Л.А. протекает через парк и что на одном берегу есть велосипедная дорожка. Говоря об этой так называемой реке, было сложно использовать обычные слова.

Этот приток называли Арройо Секо, что значит «сухой поток», и он действительно сухой, во всяком случае, весьма сухой, и у него на самом деле нет берегов, потому что он на самом деле и не река.

---

⁷ «Здесь что-то происходит, но вы не знаете что, правда, мистер Джонс?» (англ.)

⁸ Easy – легкий, простой (англ.).

Лос-Анджелес будет чудесным, когда его закончат.

Несмотря на то что недавно прошел дождь, в этом огороженном водостоке, который вот-вот должен впасть в реку с величественным названием, воды так и не было. Мне всегда представлялось, что река Л.А. и ее маленький приток изнывали, молили о пощаде.

Но теперь, когда я на велосипеде пристроился на дорожке, то ощутил, что нашел какую-то часть города, которая была от меня скрыта.

Сюда нельзя было добраться на машине. Ни одно изображение этой странной, удручающей картины никогда не попадет в большой мир.

Не будет никаких «Приезжайте в Лос-Анджелес! Прокатитесь на велосипеде вдоль реки!». Никто в здравом уме здесь не окажется.

Но там было почти что красиво. Мне не следовало смеяться над рекой Л.А.

Пока я прокручивал в голове эти глубокие и освободительные мысли, Г. меня обогнал. Я обернулся и увидел писателя и его партнера, тех, счастливых, из интернета, в виде призраков, за которыми, изо всех сил крутя педали, следовали все счастливые однополые пары в истории. Я переключил скорость и оторвался от них, следуя за Г. и изо всех сил стараясь его нагнать.

История болезни Лиз Мур

12 марта 2020 года

Факт: У ребенка температура.

Основание: На двух термометрах тревожные показания. 39,9; 40,1; 40,4.

Основание: Ребенок горячий. Щеки красные. Ребенка трясет. Ребенок не в состоянии нормально принимать пищу: рот открывается неправильно, губы вялые. Ребенок не плачет, а мяучит.

Факт: У детей часто бывает температура.

Основание: У обоих детей в семье в течение их жизни регулярно бывала температура. Первый ребенок родился три года и девять месяцев назад.

Субъективное мнение: У ребенка 3,75 года температуры нет.

Основание: Лоб ребенка 3,75 года прохладный.

Методология: Мать ребенка 3,75 года на цыпочках заходит в комнату, стараясь не дышать, не наступать на определенные половицы; прикладывает губы к коже, поскольку губы – лучший измеритель температуры человеческого тела.

Вопрос: Какие показания термометра необходимы для обращения в детскую неотложную помощь?

Процесс исследования: Родители ребенка делают несколько поисковых запросов в интернете, используя следующие фразы: Детская неотложная помощь при температуре 40,4. Температура. Скорая.

Ответ: Интернет дает две противоположные рекомендации.

А. Езжайте немедленно.

Б. Дайте тайленол, вызовите врача.

Ответ: Родители ребенка шесть секунд смотрят друг на друга, взвешивая все обстоятельства.

Факт: В мире новая болезнь.

Факт: Она вошла в человеческую популяцию.

Факт: Отцу ребенка вчера сообщили: у троих его коллег эта болезнь.

Утверждение: Очень неудачное время.

Опровержение: У детей бывает температура. У детей часто бывает температура. У ребенка нет никаких других симптомов, кроме температуры. В большинстве случаев температуру у детей вызывают не те вирусы, что недавно вошли в человеческую популяцию. У остальных троих членов семьи симптомы пока не проявляются.

Неизвестно: Контагиозность вируса. Вероятное течение болезни. Время с момента заболевания до появления симптомов. Типичные проявления болезни у взрослых и детей. Краткосрочные и долгосрочные последствия у тех и других. Летальность.

Реплика: «Тут много неизвестного», – говорит мать ребенка.

Соображения: Без четверти два ночи. Сестра ребенка спит. Одному из родителей придется отвезти ребенка в детскую больницу. Второму придется...

Необходимо прерваться: Ребенка тошнит. Тошнота обычная, несильная. Безрадостно открытый рот. Исторжение содержимого желудка ребенка. Рвота продолжается, ребенок слабеет. Ребенок засыпает.

Соображения (продолж.): ...придется остаться с сестрой ребенка.

Дальнейшие соображения: Что опаснее: везти ребенка в медицинское учреждение или наблюдать за ним дома? Если у ребенка не новая болезнь, могут ли ребенок или один из родителей заразиться новой болезнью в медицинском учреждении?

Решение: Родители ребенка выбирают вариант Б. Ребенку дают детский тайленол. Без десяти два вызывают врача.

Уточнение: Это не врач, а автоответчик. Врач перезвонит.

В перерыве: Родители моют пол. Приглушают свет в гостиной. Отец лежит на диване с ребенком на груди. Отец фиксирует у ребенка жар; невероятно, он горячий, как чайник, как мотор. Жар – это результат труда, затраченной энергии, труда нового маленького тела, вышедшего на войну. Отец вспоминает первые дни ребенка, отечные веки, открывающиеся и закрывающиеся с нешуточным усилием, движения пальцев под водой. Отмечает: тела новорожденных похожи на щит, торс – перевернутый треугольник, а конечности не имеют существенного значения. Эти мысли подбадривают его. Они задуманы так, чтобы выживать, говорит себе отец – утверждает. Сейчас ребенку десять месяцев. Ребенок вырос. У него пухлое тело, его вес на груди отца одновременно утешение и тревога, напоминание обо всем, переданном детскому телу: 7,315 унций молока из тела его матери, 722 малиновых ягоды, 480 унций йогурта, 120 бананов, 84 кусочка сыра, 15 маленьких пакетиков любимой воздушной еды ребенка под названием «тающий йогурт» и один кусочек торта, тайком принесенный ему сестрой. Помимо того что было физически передано в тело ребенка, существует еще и факт отцовской любви к нему. К его смеху. К открытому рту, к трем прорезавшимся зубам, к тому, как на прошлой неделе он научился целовать, к тому, как он целует – открытым ртом прижимаясь к щеке принимающего поцелуй, – к руке ребенка, которую держит отец, которой ребенок недавно научился махать. Сейчас, покоясь на груди отца, все части тела ребенка неподвижны. Все части тела отца неподвижны. Мать, сидя в кресле, смотрит на них. Смотрит на телефон. Ждет звонка врача. Три раза проверяет, не выключен ли в телефоне звук.

Наблюдение: Проходит час. В доме тихо. Мать думает о том, что, может быть, все...

Необходимо прерваться: Ребенка тошнит. На грудь отца. На диван. На ковер. Ребенок приподнимает голову и смотрит, что он наделал. Опускает голову прямо в лужу жидкости, вылившейся из его тела. Опять засыпает.

Пауза.

Требование: «Возьми его, – тихо говорит отец ребенка. – Возьми его».

Следствие: Мать берет ребенка. Вытирает его. Отец вытирает рубашку, диван, ковер, волосы. Снова берет ребенка.

Вопрос: «Который час?» – спрашивает отец ребенка.

Ответ: Две минуты четвертого.

Вопрос: «Да что же он, черт возьми, не звонит?» – спрашивает отец ребенка.

Решение: Ребенка в больницу повезет кормящая мать. Отец держит переодетого ребенка, тот спит, от него еще пахнет желчью. Мать собирает сумку.

Список: В сумку кладут шесть памперсов, пачку салфеток, две смены одежды, два слюнявчика («Возьми больше», – говорит отец, имея в виду рвоту), ручной молокоотсос, две бутылки сцеженного молока – на случай сепарации, – упаковку со льдом, маленькую сумку-холодильник, воду для матери, смесь из сухофруктов и орехов для матери, зарядное устройство для телефона матери. Телефон матери. Ее ключи, которые сначала с грохотом падают на пол.

Необходимо прерваться: Ребенок смеется.

Вопрос: «Он только что смеялся?» – спрашивает мать.

Ответ: Смеялся. Ребенок поднял голову. Растопырив пальцы, тянется к ключам на полу. Хочу. Ребенок улыбается.

Наблюдение: Глаза у ребенка внимательные. Цвет лица лучше. Ребенок осматривает комнату, издает горловые звуки. «О-у-о, о-у-о, о-у-о», – поет ребенок. Выражение восторга. Первое, чему он недавно научился.

Вывод: «Ему лучше», – говорит мать. «Давай еще раз померяем температуру», – говорит отец.

Результат: 38,4.

Предложение: «Может быть, – говорит отец, – имеет смысл...»

Необходимо прерваться: Звонит телефон. Врач.

Совет: «Она уверяет, можно подождать до утра», – говорит мать.

Наблюдение: Ребенок трет глаза. Ребенок выглядит усталым.

Решение: Родители раздевают ребенка до подгузника. Кладут в спальный мешок с розовой оборкой, доставшийся ему от сестры. Халат – так называет его мать, вспоминая халат своей бабушки, конфеты, которые та держала в карманах, длинные тонкие бабушкины ноги, то, как бабушка, когда внучка бывала больна, клала ей руку на спину, сидела с ней, когда у будущей матери ребенка в детстве была ветрянка, и в который раз смотрела «Звуки музыки», никогда не жалуясь и не показывая, как ей скучно. Воспоминания трогают ее. Все предки, вся нежность, передаваемая ребенку за ребенком, последний – этот: ее ребенок, его она держит на руках. И вспоминая, мать кормит ребенка, чтобы он уснул, напрягаясь от каждой паузы в его усилиях, боясь, что ему опять станет хуже.

* * *

Ему не хуже. Теперь мать положит его в кровать, в розовый халат, будет смотреть, как он спит, наклонится, положит руку на лоб, опять и опять проверяя температуру. Теплый, но не горячий, говорит она себе, хотя без термометра точно сказать нельзя. Она ложится на пол рядом с ребенком. Смотрит на ребенка. Ребенок дышит. Ребенок дышит. Тусклый свет и тени

на лице ребенка. Сквозь перекладины кровати она одним пальцем дотрагивается до кожи ребенка. Теплая, но не горячая. Теплая, но не горячая, думает мать – песнь, молитва, – хотя наверняка она знать не может.

Команда Томми Ориндж

Ты таращился на стену в своем кабинете уже неизвестно сколько времени. С недавних пор время стало ускользать именно так – будто за занавеску, а потом возвращалось чем-то другим: то блужданием в интернете; то прогулками по улице – в разговорах с женой и сыном ты упорно называл их походами; то книгой, на которую смотрят твои глаза и которую ты не понимаешь; то депрессией, делающей из тебя инвалида; то наблюдением за кружащимися стервятниками; то твоей вечной тревогой; то сорвавшимся звонком по зуму; то твоей очередью делать уроки с сыном; то прошедшими апрелем, маем; то одержимостью подсчетом тел, безымянных чисел, карабкающихся вверх на бесконечных анимированных графиках. Время не было ни за тебя, ни за кого-то еще, в сонной дреме ему казалось, что с тобой оно бесплодно растрчивает себя, как и ты сам, – спрятавшееся и звонкое, будто солнце за облаком.

Ты вспоминал, когда последний раз появлялся на людях. Не считая еженедельных пробежек в маске и панике по продовольственному магазину или попыток добраться до почтового окошка за заказанными тобой, аккуратно собранными коробками ненужных вещей, с соблюдением максимально возможной дистанции ото всех, кто попадался, особенно после того, как ты послушал подкаст, вбивший тебе в голову отвратительную мысль о брызгающей изо рта слюне. Ты избегал даже смотреть людям в глаза, так тебя напугало распространение заразы.

Последним массовым публичным мероприятием, в котором ты принимал участие, стал твой первый полумарафон. Тебе даже выдали медаль, она висит в кабинете, как голова оленя. Полумарафон звучит будто нечто неполное, именно половина, но для тебя то оказалась нештучная нагрузка – бежать и бежать тринадцать миль без остановки. Начав тренироваться, ты даже заплатил деньги и присоединился к команде бегунов. Собираясь, они вдалбливали тебе, какой все это кошмар. Ты пел их песни и слушал, как лидер команды поносит и то время, когда бегал сам, и замечательную еду, и энергетические напитки, болтавшиеся у них на поясе в пластиковых мешках. Ты возненавидел командные тренировки, а потому ушел и стал думать о своем теле, здоровье, режиме, списке песен для бега, как о Команде. Ты рано вставал на пробежки, а иногда бегал и пару раз в день. Ты придерживался запланированной дистанции и диеты, предписанной интернет-приложением для тренировок, – оно тоже являлось частью Команды. Команда держала данное себе слово. Именно благодаря Команде сердце твое оставалось здоровым, легкие чистыми, а решимость решительной, чтобы делать то, что – как ты условился с собой – надо делать по причинам, которых ты уже даже не помнишь.

Бег, разумеется, так же стар, как и ноги, ты и сам какое-то время им занимался, в основном, чтобы сбросить неуклонно набирающиеся с возрастом фунты, но бегать наперегонки стало внове, бегать на дистанцию, на время, с целью пересечь финишную прямую. Странное обязательство ты на себя взял: эстафета и ее цель – достичь финишной прямой. В былые времена бег являлся серьезным делом; прыткий бег от чего-то или за чем-то, если ты охотился или за тобой охотились, если возникала необходимость доставить в высшей степени важное сообщение. Первый официальный марафон прошел во время Олимпийских игр 1896 года, победителем тогда стал греческий почтальон. Дистанция отсылала к старинной греческой легенде о бегуне; тот бежал с известием о победе, добежал, сообщил, рухнул и прямо там и умер. Можно до бесконечности перечислять другие примеры из прошлого. До того как Кортес в 1519 году завез во Флориду иберийских лошадей, индейцы наверняка бегали по всей Америке, но тем не менее у тебя в голове застрял образ индейца на спине лошади, а когда этот образ должен представлять невероятную адаптивность коренного населения, то ты мысленным взором видишь статичного, мертвого индейца. Ты всегда видел именно его, размышляя об одной части своего

«я», которая и правда, и неправда – какая-то правда кентавра, поскольку твой папа из коренных жителей, индеец-шайен, а мама белая, и оба были бегуны. Поэтому ты вообще решил бегать, но, несмотря на древний бег, семейное наследие и полуправды, не представлялось возможным выяснить, к каким видам бега готовы люди, с тех пор как у них появились ноги.

После забега ты вернулся на гору, куда перебрался пять лет назад, поскольку больше не мог позволить себе жить в Окланде. Вернулся к изоляции и существовал в полной безопасности по сравнению с теми, кому приходилось подвергаться постоянному риску в городской тесноте. Но после марафона ты покончил с бегом. Мир с криком замер, как и твои мысли о том, будто бег стоит усилий, стоит труда. Когда старые белые уроды на вершине горы, разбрасывая крошки, резво ели с нелепых тарелок то, что входило в пакет социальной поддержки, тебе до боли захотелось со всем покончить, увидеть, как все пылает, перестает дышать. Все, что ты мог поделаться с говорящими головами, разговаривающими свои разговоры, почти ничего не говоря, – это смотреть, больше ты ничего и не делал, больше, как тебе представлялось, ты и не мог ничего поделаться, но возникало ощущение, будто ты что-то делаешь, однако на самом деле не делаешь ничего – смотришь, слушаешь, читаешь новости, словно там может быть что-то больше новой смерти, хоть ты и думал, будто смерти причинят старым белым уродам страдание, но те не страдали; страдали все те же, кто и всегда, из-за свиней, отхвативших больше положенного им куса пирога, который для них – баланда, так как он им не нужен – степень жадности, настолько превышающая потребности, что ты даже вообразить не мог. Все во имя свободы. Так тебя учили в школе, так писали в учебниках – лицемерие свободного рынка, Конституция и Декларация независимости, где индейцы как были, так и остались безжалостными дикарями.

Новой Командой стала твоя семья, те, с кем ты теперь находишься дома. Твоя жена, сын и невестка с двумя дочерьми-подростками. Это, собственно, и была изоляция – то, что ты делал с ней или наперекор ей. Новая Команда не бегала: она готовила совместные трапезы, делилась новостями о внешнем мире, вычитанными и услышанными во время нахождения в пузыре ваших изолированных жизней, в оболочке огромных беспроводных наушников. Новая Команда стала новым будущим, которое еще нужно было определить, которое, казалось, будут определять индивидуальные сообщества и их вера или неверие в количество потерянных жизней, то, какое отношение это количество будет иметь к ним самим. Твоя новая Команда состояла из простых работяг, пробивающих твои покупки и доставляющих твои заказы. Из твоей старой семьи, разбившейся настолько давно, что сама идея собрать осколки казалась абсурдной, не говоря уже о попытке их склеить. Шайенский язык вы учили вместе с твоим отцом. Это был его родной язык, и твоя сестра наострилась говорить бегло. Понимание нового языка казалось чем-то нужным каждому, чтобы о нем думали, когда все уже давно утратили нить правды, когда все еще считали, будто верят во что-то, близкое к надежде. До Обамы, во время Обамы, после Обамы – какая разница, то была важная точка во времени, чтобы понять, где ты находишься, понять, что, по твоим представлениям, означает будущее страны, под каким флагом ты стоишь, и что это значит, когда белые становятся меньшинством. Черт с ней, с надеждой, черт с ним, с процветанием, выжить бы. Ты больше не бегал, нет, и последствия сказались быстро: ты стал принимать душ, может, раз в неделю и совсем забыл про зубы. Изрядно пил и курил много как никогда. Ты справишься, когда решишь, что исправилась ситуация, когда увидишь в новостях проблеск надежды. Ты смотришь, ждешь, что же будет: новое лечение, падение уровня, волшебное лекарство, антители, что-то еще, что-нибудь.

Ты возвращаешься мыслями к стене, таращишься на нее, не способный ни на что, только смотреть. Весь новый мир выполнил командную работу, все те, кого не коснулось лично. Смотреть и ждать, не высовываться. Изоляция станет марафоном, но только так Команда сможет выстоять. Команда, люди, все это чертово колесо.

Бруссар Лейла Слимани

Сентябрьским вечером, когда писатель Робер Бруссар после выхода его последнего романа проводил встречу с читателями, ему прямо в лицо полетел камень. Когда камень взмыл в воздух, романист как раз закончил анекдот, который рассказывал уже тысячу раз, и знал производимый им эффект. Речь шла о Толстом и о его прозвище «противный толстяк». Аудитория рассмеялась коротким прохладным смешком, что Бруссара уязвило. Он повернулся к стоявшему сбоку от него стакану с водой, и камень угодил ему в левую часть лица. Журналистка, задававшая вопросы, издала вопль, многократно усиленный испуганными криками публики. Все запаниковали, и зал опустел. Робер Бруссар остался лежать на сцене без сознания, с открытой раной на лбу.

Придя в себя, он обнаружил, что распростерт на больничной койке, а половину лица покрывает повязка. Нигде ничего не болело. Он будто парил и желал, чтобы ощущение легкости не прекращалось. Литературная репутация успешного романиста была обратно пропорциональна цифрам продаж. Его игнорировала пресса, презирали собратья, смеявшиеся над самой мыслью о том, что Бруссар именуется писателем. Однако за ним числилось одно немалого объема произведение, доставившее радость прежде всего читательницам. В своих книгах Бруссар не поднимал ни религиозные, ни политические темы. Определенного мнения не имел ни о чем. Не задавался проблемами пола, расы и держался на расстоянии от острых вопросов современности. Было и впрямь удивительно, что на него кто-то решил поднять руку.

С ним беседовал полицейский. Он хотел знать, были ли у Бруссара враги. Были ли у него долги. Была ли связь с чужой женой. Подробно про женщин. Много ли он с ними общался. Какого рода общение. Могла ли проскользнуть в зал какая-либо женщина, мучимая ревностью или оскорбленная тем, что ее бросили. На все вопросы Робер Бруссар отвечал, качая головой. Превозмогая сухость во рту и возобновившуюся страшную боль в глазном яблоке, он описал свой быт. Он вел размеренный образ жизни, без приключений. Никогда не был женат и основное время проводил за рабочим столом. Иногда ужинал с молодыми знакомыми по факультету, а по воскресеньям обедал у матери. «Ничего интересного», – заключил Бруссар. Инспектор захлопнул блокнот и вышел.

Теперь Бруссар попал в газетные заголовки. Все журналисты страны дрались, чтобы получить у него эксклюзивное интервью. Писатель стал героем. Одни считали его жертвой правых военных кругов, другие, что на него обрушилась ярость исламистов. Некоторые полагали, что какой-то озлобленный бобыль проник в зал, желая отомстить человеку, источником известности которого стал лживый миф о любви. Антон Рамович, знаменитый литературный критик, опубликовал статью на пять страниц о творчестве Бруссара, коего до сей поры презирал. Рамович утверждал, что между строк любовных романов писателя содержится жесткая критика общества потребления и тонкий анализ социального расслоения. «Бруссар неудобен», – заключал он.

По выходе из больницы Бруссар был приглашен в Елисейский дворец, где президент Республики, худощавый, вечно спешащий куда-то человек, назвал его героем войны. «Франция благодарит вас, – сказал он. – Франция гордится вами». Как-то утром появился офицер службы безопасности, которому была поручена его охрана. Осмотрев квартиру Бруссара, он принял решение заклеить окна матовой бумагой и сменить местоположение домофона. Это был коренастый человек, с обритой блестящей головой, рассказавший романисту, что в течение двух месяцев он охранял одного публициста из неонацистов, который обращался с ним, как с прислугой, и гонял в прачечную за бельем.

В последующие недели Бруссар получил десятки приглашений на телевидение, где гримерши старательно выпячивали обезображивающий его шрам. Тем, кто спрашивал писателя, усматривает ли он в покушении на него выпад против свободы слова, он отвечал с кротостью, которую сочли скромностью. Впервые в жизни Робер Бруссар чувствовал, что его все любят, более того, уважают. Когда он с заплывшим глазом, с лицом задетого снарядом солдата заходил в помещение, вокруг него воцарялась тишина. Издатель клал руку ему на плечо, гордый, как заводчик, выведший своего питомца на манеж.

Через несколько месяцев полиция отнесла инцидент к разряду тех, в которых невозможно установить виновника. В библиотеке, где проходила встреча, не было видеокамер, а зрители дали противоречивые показания. В соцсетях живо обсуждали безымянного преступника. Один журналист анархического толка, обязанный своим именем преданию гласности открытых видео с участием политиков, возвел нападавшего в ранг символа всех невидимых и забытых. Бросивший камень стал предвестником революции. Он осмелился напасть на Бруссара, а в его лице – на легкие деньги, успех, СМИ на службе белых мужчин старше пятидесяти.

Звезда писателя погасла. Его перестали приглашать на телевидение. Издатель порекомендовал Бруссару держаться скромнее и отложил публикацию его нового романа. Бруссар больше не осмеливался искать свое имя в интернете. Он читал о себе тексты, полные такой ненависти, что ему становилось больно дышать. Желудок выворачивался наизнанку, а по лицу стекали капли пота. Писатель вернулся к спокойной, уединенной жизни. Как-то в воскресенье, отобедав у матери, он решил пойти обратно пешком. По дороге он думал о книге, которую хотел написать и которая решит все. Книге, которая выразит нашу смятенную эпоху, покажет, каков истинный Бруссар. Он думал об этом, когда в него попал булыжник. Он не видел, откуда сыпались удары, у него не было времени прикрыть лицо руками, и он рухнул посреди улицы под камнепадом.

Нетерпеливая Гризельда Маргарет Этвуд

У всех подходящие одеяла? Мы старались выдавать по размеру. Прошу прощения, что попадают махровые простыни, одеяла кончились.

А закуски? Простите, мы не смогли организовать готовку, как вы говорите, но пища без этой вашей готовки как раз полезнее. Если положить закуски в орган пищеварения – в рот, как вы его называете, – кровь не будет капать на пол. Так мы поступаем у себя.

Мне жаль, у нас нет закусок, которые вы называете веганскими. Мы не смогли понять значение слова.

Вы не обязаны есть, если не хотите.

Пожалуйста, перестаньте шептаться, там, сзади. И перестаньте хныкать. И выньте палец изо рта, сэрмадам. Вы обязаны подавать пример детям.

Нет, вы не дети, мадамсэр. Вам сорок два. Среди нас вы могли бы сойти за детей, но вы не с нашей планеты и даже не из нашей галактики. Благодарю, сэр или мадам.

Я использую оба слова, поскольку, честно говоря, не вижу разницы. На нашей планете нет таких разграничений.

Да, я знаю, моя внешность напоминает вам то, что вы называете осьминогом, маленькое юное существо. Я видело картинки – какие дружелюбные создания! Если моя наружность вам действительно мешает, можете закрыть глаза. К тому же это позволит вам более внимательно выслушать мою историю.

Нет, вы не можете покинуть карантинное помещение. Там чума. Для вас слишком опасно, для меня нет. На нашей планете нет такого вида микробов.

Простите, но здесь нет того, что вы называете туалетом. У себя мы утилизируем переваренную пищу в топливо, поэтому у нас нет необходимости в подобных приемниках. Мы заказали то, что для вас является туалетом, в количестве одной штуки, но нам сказали, они в дефиците. Вы можете попытаться в окно. Донизу далеко, поэтому, пожалуйста, не пытайтесь прыгать.

Мне тоже не смешно, сэрмадам. Меня прислали сюда в рамках программы помощи в случае межгалактических кризисов. У меня не было выбора, я просто аниматор, мой статус невысок. А выданное мне приспособление для синхронного перевода не лучшего качества. Как мы уже убедились по опыту нашего общения, вы не понимаете моих шуток. Но, как у вас говорится, не плюй в яму для добывания воды, пригодится воды напиться.

Итак. История.

Меня попросили рассказать вам историю, и сейчас я ее расскажу. Это старинная история с Земли, во всяком случае, я так понял. Она называется «Нетерпеливая Гризельда».

Жили-были сестры-близнецы. Они не были высокого статуса. Их звали Терпеливая Гризельда и Нетерпеливая Гризельда. Они были приятной наружности. Они были мадамы, не сэры. Их все звали Тер и Нетер. А Гризельда было то, что вы называете фамилией.

Простите, сэрмадам? Вы говорите – сэр? Слушаю вас.

Нет, она была не одна. Их было две. Чья история? Моя. Значит, их было две.

В один прекрасный день богатое лицо высокого статуса, которое было сэр и из тех, кого называют герцогами, проезжало мимо на... Проезжало... на... Если у вас достаточно ног, вам не надо заниматься этим «проезжало», но у сэра было только две ноги, как и у всех вас. Он увидел Тер, которая поливала... что-то делала около своей хижины, и сказал ей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.